

И. С. ДУИЧЕВ

Одна цитата из Манассиевой Хроники в среднеболгарском переводе*

Недавно появилась короткая, но весьма интересная заметка М. А. Салминой «„Ентинарий“ в „Повести о зачале Москвы“» (ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 362—363). Как известно, в начальной части так называемой «Повести о зачале Москвы» (см.: М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. М., 1950, стр. 233) дается рассказ о древнейшей истории Рима и сооружении Капитолия. В рассказе этом читаем: «ея же увидев ентинарий искусный знаменiem смотритель...». До сих пор слово «ентинарий» оставалось неясным. М. А. Салмина указывает тот же отрывок о легендарной истории Рима в так называемом Хронографе первой редакции, гл. 108 (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227). Следуя совету заслуженного русского исследователя А. Н. Попова, она указывает и первоисточник отрывка — это, несомненно, известная Манассиева Хроника, ст. 1620—1750. Еще А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 73 и сл.) высказывал мнение, что вышеупомянутый текст заимствован из славянского перевода Манассиевой Хроники в копии Новгородской Софийской библиотеки, № 1497 (хранится в ГПБ), в которой имеется то же самое слово. Заслуга М. А. Салминой состоит в том, что она указала самый греческий текст Манассиевой Хроники (Migne P. Gr., CXXVII, стр. 282—283). В стихе 1678 Манассиевой Хроники читаем: *ѡпер ѡдѡн ѣν Τυρρηνοῖς δόχιος τρασικότος*, что полностью соответствует выражению: «ея же увидев ентинарий искусный знаменiem смотритель...». Слово «ентинарий», следовательно, является лишь плохо переданным выражением *ѣν Τυρρηνοῖς* — «в Тиррении», которое было непонятным еще тогдашнему переводчику. К этому остроумному и вполне убедительному объяснению М. А. Салминой можно сделать лишь некоторые библиографические дополнения сочинений, которые, по всей вероятности, были ей недоступны. Так, М. А. Салмина заявляет, что выражение *ѣν Τυρρηνοῖς*, по-видимому, неправильно понято еще славянским переводчиком Хроники, добавив (стр. 363, прим. 9), что не может утверждать это с полной уверенностью, так как просмотрела только один из четырех известных А. Попову списков славянского перевода Манассиевой Хроники. Несомненно прежде всего то, что был использован не первоначальный греческий текст Хроники, а ее славянский перевод. Как установлено, стихотворная Хроника византийского писателя Константина Манассии (умер в 1187 г.) была переведена на болгарский язык в первые годы правления Ивана Александра (1331—1371), к 1331—1340 гг. [см. специально по этому вопросу: Ю. Трифонов. Бележки върху средно-

* Перевод с болгарского А. И. Хватова. (Ред.).

българския превод на Манасиевата хроника. — Известия на Българския археологически институт, II, 1923—1924, стр. 137—173; другие указания у меня: Преглед на българската историография. — *Jugoslovenski istoriski časopis*, IV, 1—2 (1938) стр. 45—46]. Этот перевод известен в списках болгарской, сербской и, как считают,¹ русской редакциях. В научной литературе обычно говорится о пяти списках (см.: П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, I. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, стр. 421 и прим. 1), но некоторые ученые указывают всего шесть списков в трех редакциях (например, см.: Ю. Трифонов, ук. соч., стр. 138—139; Б. Филов. Миниатюрите на Манасиевата хроника във Ватиканската библиотека. София, 1927, стр. 1; Йорд. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 618). Очень осторожно указывал списки покойный чехословацкий ученый Милош Вайнгарт (*M. Weingart. Byzantské kroniky v literatuře cirkevňšlovanské. Přehled a razbor filologický. 1. Bratislava, 1922, стр. 166—180*). Определенно он говорит о четырех списках, о других же лишь упоминает. Болгарских списков известно три, а именно так называемый Московский список, хранившийся некогда в Московской синодальной библиотеке № 20 (38), известный как «сборник попа Филиппа» от 1345 г. (см. у меня: Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. 129—130, XX—XXIII), в настоящее время хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве в отделе рукописей. Об этом списке см. библиографические указания у П. Сырку (ук. соч., стр. 418, прим. 1). Это самый старый список болгарского перевода Хроники. К 1344—1345 гг. был изготовлен богато украшенный миниатюрами (в количестве 69) так называемый Ватиканский список: *cod. Vatican. sl. II* (о нем см. подробно у Б. Филова: ук. соч., стр. 1—15). Сравнительно менее известен так называемый Тульчанский список XVI—XVII вв., описанный у А. И. Яцимирского (Славянския и русския рукописи румынских библиотек. СОРЯС, т. LXXIX, 1905, стр. 839—842). В сербской редакции существует так называемый Хилендарский список 1510 г. (о нем см. библиографические указания: П. Сырку, ук. соч., стр. 421, прим. 1; Йорд. Иванов, ук. соч., стр. 618—623; *M. Weingart*, ук. соч., стр. 179—180). Намек о большем количестве списков сербской редакции, высказанный известным историком древнесербской литературы Павле Поповичем (Преглед српске књижевности. 2-е изд. Београд, 1913, стр. 43: «...у нас имеется в рукописях начала XVI века»), нуждается в проверке и уточнении. Кроме этих четырех в научной литературе упоминается еще один или два списка. Так, Йорд. Иванов (ук. соч., стр. 618) говорит о «двух более новых русских списках», Ю. Трифонов (ук. соч., стр. 139) — об одном списке сербской редакции и другом, не называя определенно редакции его. Названные ученые ссылаются при этом на два указания в известном труде В. С. Иконникова (Опыт русской историографии, т. II, ч. 1. Киев, 1908, стр. 94), во-первых, и, во-вторых, на указание А. Попова [*Archiv f. slav. Philol.*, II (1877), стр. 13]. Похоже по всему, однако, что речь идет об одной и той же рукописи, а именно о рукописи № 1437 из бывшей библиотеки Новгородского Софийского собора (переданной позднее в ГПБ в Ленинград) от XVII в. сербской редакции (у М. А. Салминой рукопись № 1497; об этой рукописи см. указания и у П. Сырку: ук. соч., стр. 421, прим. 1).

¹ А. Буассен (*H. Boissin. Le Manassès moyen-bulgare. Étude linguistique. Paris, 1946, стр. 2—3*), ссылаясь на Мазона [*A. Mazon. Les Dits de Troie. — Revue des études slaves, t. XV (1935), стр. 13, прим. 1*], говорит о пяти рукописях с текстом перевода Манасиевой Хроники и указывает на существование русских списков, не изученных до сих пор.

Рукопись принадлежала Петербургской духовной академии и приходится сожалеть, что в одной своей очень полезной информационной статье Н. Н. Розов [Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки. — Труды ГПБ, т. V (8). Л., 1958, стр. 105—118], говоря о поступивших в ГПБ рукописях этой академии (стр. 110), не вспоминает о вышеназванной рукописи, ограничившись лишь библиографической справкой (стр. 110, прим. 4). Необходимо, следовательно, сделать вывод, что известных списков перевода среднеболгарского времени, по существу, пять, как отметил еще П. Сырку, а не шесть, как утверждают некоторые исследователи, и списки эти болгарской и сербской редакции.

На основе текста московской рукописи с учетом разночтений тульчанского списка и лишь иногда ватиканского (по опубликованным отрывкам, а не по самой рукописи) известный румынский славист Ион Богдан подготовил издание текста среднеболгарского перевода Манассиевой Хроники, вышедшего, к сожалению, в не совсем законченном виде вскоре после его смерти (*Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text și glosar de Ioan Bogdan. Cu prefața de prof. I. Bianu. București, 1922*). Именно из-за отсутствия полной публикации столь хорошей рукописи, как ватиканская, высказывалось настойчивое пожелание выпустить новое полное критическое издание Хроники в среднеболгарском переводе (см.: Б. Ф и л о в, ук. соч., стр. 1). Благодаря этому изданию текста мы знаем, что в трех использованных списках (по изданию И. Богдана: ук. соч., стр. 73, 20—21) на том месте читается «еже уведев ентириние искусный знамениом съмотритель». В приложении (стр. 73, прим. 11) издатель отметил и соответствующий греческий текст Хроники, повторив сопоставление перевода и оригинала в словаре, данном в конце книги (стр. 275). Совершенно очевидно, следовательно, что еще болгарский переводчик не смог понять связно написанную греческую фразу и поэтому дал просто дословную транслитерацию текста, отчего и произошло непонятное «ентириние». Отсюда слово перешло в другие тексты, претерпев некоторые изменения. В сербском списке Новгородско-Софийского собора оно было записано с небольшой метатезой, как сообщает М. А. Салмина (стр. 363), и появилась форма ентириние, повторенная и в русском Хронографе первой редакции: «е н ѣ т и н и р и е» превратившись в конце концов в ентинарий в «Повести о зачале Москвы». Молодой советской специалистке по древнерусской литературе принадлежит заслуга освобождения древнерусского словаря от загадочного слова, воспринятого от южных славян, слова, мимо которого лексикографы и другие исследователи до сих пор боязливо или с недоверием проходили.²

² Не коснулся этого слова и последний исследователь староболгарского перевода Манассиевой Хроники Анри Буассен как в указанной выше книге, так и в своей статье «La traduction moyen-bulgare de la Chronique de Manasses» [*Revue des études slaves*, т. XXII (1946), стр. 180—188]